

Е. КЛЕЕР

Культурная система и общественное развитие*

Автор исходит из положения, что культурная система как весьма устойчивая характеристика общества в этом аспекте противоположна развитию, необходимости изменений, соответствующих требованиям постоянного совершенствования. Культурная система рассматривается в своего рода пятиугольнике, который образуют *язык, традиция, история, религия и отношение общества к государству и государства к обществу*. Показано, что развитие, несмотря на некоторые унификационные решения в экономико-технической, а отчасти в образовательной и культурной сфере, не устраняет различий, проистекающих из традиции, истории, а также религии. Государство, благодаря своей внешней и внутренней политике, может их частично устранять. Но в целом культурная система в наше время представляет собой одну из важнейших угроз развитию.

Ключевые слова: развитие, культурная система, язык, традиция, история, религия, государство и общество.

DOI: 10.31857/S086904990000382-2

Процессы развития любой страны, несмотря на весь универсализм, присущий и индустриальной, и постиндустриальной цивилизации, всегда отличают свои особенности, вытекающие из специфики сложившейся в данной стране культурной системы. Правда, представители экономических наук в своих работах редко уделяли таким социокультурным особенностям особое внимание.

Думаю, что можно указать на две причины пренебрежения исследованием этого типа связи. Первая, и как кажется самая существенная, – то, что развитие по сути своей изменчивый процесс, а культурной системе присуще постоянство. Изменения в ней, разумеется, происходят, но на протяжении длительного времени, и обычно они незначительны. Другая причина связана с тем, что развитию, даже если мы рассматриваем его не только с экономической точки зрения, присущ некоторый универсализм, тогда как культурная система (даже при схожести некоторых ее элементов с аналогичными элементами тех или иных обществ) по своей природе не подлежит универсализации. Поэтому, мне кажется, у экономических наук отсутствует заметная заинтересованность в анализе влияния культурной системы на процессы развития. Впрочем, нельзя не признать, что некоторые признаки такой заинтересованности уже стали появляться, хотя это скорее единичные случаи, а не некое зарождающееся направление исследований.

Исходной точкой моего анализа будет попытка систематизировать главные составные элементы, лежащие в основе категорий как развития, так и культурной системы,

* В основу статьи положен доклад на международной научной конференции “Россия и Польша перед лицом общих вызовов” (Институт экономики РАН, 4 декабря 2017 г.).

К л е е р Е ж и (Kleer J.) – ординарный профессор, абилитированный доктор, сотрудник Института экономических наук Польской академии наук; заместитель председателя Комитета прогнозов “Польша 2000 плюс” при Президиуме Польской академии наук. Адрес: Instytut Nauk Ekonomicznych. Polska Akademia Nauk, Palac Staszica, ul. Nowy Swiat, 72, 00-330, Warszawa. E-mail: jerrykleer@gmail.com

формирующие их характер, а также представить последствия, вытекающие из такого сочетания, двух столь различных систем. При этом в исследовании зависимостей указанных категорий я ограничиваюсь периодом индустриальной цивилизации и начальным этапом цивилизации знаний, причем той их части, в которой преобладающей формой является рыночное хозяйство.

Экономико-социальное развитие

Развитие – категория значительно более емкая, нежели его трактовка в рамках критериев роста ВВП. Она охватывает обширный круг экономических, политических, экологических, демографических, образовательных и других проблем, равно как и систему их взаимосвязей – как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе.

Попытаюсь в этом контексте сформулировать гипотезу, содержание которой я рассматриваю как общую закономерность, касающуюся всех обществ и государств: они обречены на неравномерное развитие, в ходе которого выделяются отдельные группы как внутри государств, так и между различными странами, порождая разнородные отношения между ними. При этом внутренняя дифференциация является эффектом, с одной стороны, социально-экономического развития, а с другой – политики государства, которое в разные периоды создает преференции для одних общественных групп за счет других. Правда, решения такого типа, как правило, непрочны.

В некоторых ситуациях внутреннюю дифференциацию можно смягчить, однако ее полное устранение невозможно. Ведь дифференциация – побудительный мотив развития, причем не только государств, но и более или менее значительных группировок, в разной степени интегрированных. Это же касается и обществ. Хотя структура отдельных групп в их составе не подлежит изменению, существуют и аспекты, постоянно подвергающиеся дифференцированию. Например, происходят процессы своеобразного перетока между отдельными группами, изменяющие иерархию доходной и социальной принадлежности. Некоторые группы переходят в привилегированные слои, а другие, напротив, теряют былой статус, переходя в подчиненные слои или классы. Такое постоянное движение имеет свои положительные свойства, ибо делает возможным появление разного рода креативности.

Развитие в самом общем плане выступает как следствие концентрации производственных ресурсов, географических и природных условий, знаний, а также увеличения прав широких общественных слоев, их готовности ответить на новые вызовы, креативности отдельных лиц или более значительных групп, способности взаимодействовать друг с другом, что, в свою очередь, невозможно без таких важных свойств, как терпимость и солидарность. Можно сказать, что это – основной комплекс условий, делающих развитие возможным. Главные его элементы носят отчасти природно-географический, отчасти – социальный характер [Sowel 2016]. Обе группы совместно определяют основы развития, хотя по-видимому в неодинаковой степени, и они достаточно разносторонне исследованы. Здесь я хотел бы уточнить свою позицию по отношению к государству как важному компоненту многостороннего комплекса факторов, оказывающих влияние на развитие.

Государство в условиях индустриальной цивилизации получило особый статус, став суверенным субъектом, по сравнению с тем, который был присущ институту государства предыдущих эпох. Этот новый государственный порядок распространялся постепенно, приобретая вместе с развитием все более отчетливую форму. Прежде всего он проявился в связи с форматированием суверенности, а отсюда – заметным стремлением к защите своей территории. С появлением ее границ государство получило и определенный объем властных функций, в которые вошли отношения с другими государствами, включая и возможности вмешательства в их внутренние дела.

Вопросом времени стали процессы, с одной стороны, развития разных форм политических, экономических, гражданских, культурных и т.п. свобод, а с другой – необходимость ограничения потоков благ и людей. Это привело к созданию целой системы регу-

лирования, а также институтов, определяющих внутренний порядок во многих областях общественной и хозяйственной жизни. Что касается экономической сферы, то основная проблема касалась выработки наиболее приемлемого в каждый период соотношения между тем, что остается в ведении государства, и тем, что составляло сферу свободы частных субъектов в области хозяйствования и собственности. Так формировались институты в условиях постоянно расширяющихся сфер рыночного хозяйства. Здесь основной проблемой стал и является до сих пор – объем свободы хозяйственной деятельности [Kondratowicz 2013].

Свобода деятельности частных хозяйствующих субъектов – один из основных атрибутов экономической экспансии, которая и предопределяет развитие. Равно важна (а с точки зрения долгосрочного развития, быть может, более важна) сфера общественного регулирования. Сбалансированное сочетание свободы и регулирующих процессов порождает институциональную систему, благоприятствующую устойчивому развитию. С одной стороны, формировалась правовая система, определяющая права и обязанности как граждан, так и государственных органов. С другой стороны, начинает развиваться и расширяться сфера публичных общественных благ как части публичного сектора, имеющих решающее значение для состояния общества. Она касается и таких областей, как образование, здравоохранение, социальная помощь, безработица, охрана природы, перераспределение доходов, а также блага, связанные с открытостью экономик [Kleer 2015]. Сфера предложения публичных благ оказалась долговременным фактором развития. В исторической эволюции она строилась постепенно, часто в ходе борьбы общества за свои права. И уровень развития отдельных стран зависит от масштабов этих процессов, остающихся весьма дифференцированным в различных государствах, в том числе и в более развитых.

В контексте роли государства в процессах развития следует присмотреться к разным его моделям. Причем важно помнить, что в истории развитие и изменчивость не носили линейного характера, хотя общая теоретическая тенденция строилась как переход от более жестких к менее жестким моделям. Но в действительности изменения происходили по более сложной траектории. Причем в определении этих траекторий можно зафиксировать разделенные на две несколько отличающиеся друг от друга группы моделей. Первая касается отношения к внешнему миру. Здесь мы можем различить модель либеральную, более или менее открытую на внешний мир, и модель протекционистскую, в значительной мере ограничивающую связи с окружающим миром. Эти ограничения касаются и экономических контактов, и свободы перемещения людей, и научных, технических и культурных контактов. Другая группа моделей частично связана с первой. Это демократические модели разного типа, а также модели авторитарные или диктаторские. Здесь критерии располагаются не только в сфере гражданских свобод, но и в области ограничений предпринимательства и прав собственности.

Если эффекты развития мы будем оценивать только по темпам роста ВВП, оценки моделей могут вводить в заблуждение. В истории (и сегодня) нередко бывало, что диктаторские модели предлагали более высокий экономический рост, чем модели либерально-демократические. Это может быть следствием сплетения самых разных факторов. Каждый такой случай требует и глубокого анализа состояния перспектив подобных государств в долгосрочном плане, с учетом состояния всей их социальной сферы, особенно в области проблем неравенства (не только в доходах) [Atkinson 2017], но и с позиций личностных свобод, законности и всей совокупности решений, предлагаемых демократической моделью.

Экономические модели, которые в самом общем плане регулируют хозяйственную жизнь, в значительной степени производны от политических. Не вдаваясь в подробный анализ отдельных моделей, можно в целом констатировать, что наиболее благоприятная политическая модель – либерально-демократическая, а наихудшая – диктаторско-протекционистская. При этом следует подчеркнуть, что в реальности в каждом конкретном случае нет гарантий эволюции от менее благоприятных к более благоприятным политическим моделям. Равно как нет гарантии устойчивости моделей как одного, так и другого

го типа. Так же обстоит дело и с экономическими моделями. Накопленный опыт экономического развития не дает рациональных оснований для утверждений, что укоренившаяся в какой-то период модель носит стабильный характер, что общество гарантировано от возможных падений, регрессов и других неблагоприятных явлений в виде не только экономико-финансовых кризисов, но и в особенности кризисов политических, включая разного рода перевороты и войны [Wallerstein 2007; Simms 2015].

Вышесказанное позволяет прийти к некоторому более общему выводу. Развитие, особенно социально-экономическое, – категория неслыханно сложная, особенно если подходить к ней не статически, а динамически. С каждым днем изменяющийся мир вносит в нее все новые и новые элементы, под воздействием не только экономического, но и научно-технического и культурного прогресса. Разные политические модели, будучи связаны с моделями экономическими, оказывают существенное влияние на динамику развития и дифференциацию государств, изменяющихся и под воздействием разного рода идеологий, как старых, но подогреваемых в новых условиях, так и новых [Wagner 1998; Nisbett 2009]. Различий никогда не удастся избежать. А в наше время на это сильнейшее влияние оказывают цивилизационные кризисы, к анализу которых нам придется еще обратиться в дальнейшем.

Культурная система и ее влияние на развитие

Связи между культурной системой и развитием многочисленны и, что важнее, особенно сложны. Однако прежде чем я их представлю, важно вновь сформулировать основное различие между ними. **Развитие характеризуется значительной изменчивостью, тогда как культурная система – большой устойчивостью.** Это вытекает из функций, исполняемых как развитием, так и культурой. Если задача развития – улучшение качества общественной жизни, то основная функция культурной системы – формирование своего рода связующего элемента нематериального характера, оказывающего основное влияние на систему ценностей, а также на характер институтов, объединяющих разные общественные группы государства, часто неоднородные этнически.

Если в случае развития можно дать более или менее подробное определение, то значительно труднее обстоит дело в случае культурной системы, особенно когда мы пытаемся отнести ее к категориям развития. Конечно, есть много примеров в работах экономистов, в которых культуре приписывается значительное влияние на экономические процессы (см., например, [Harrison, Huntinton 2003; Hausner, Karwinska, Purchla 2013; Wilkin 2016] и многие другие).

Поэтому я дам мое собственное определение, которое относится к числу самых широких и рассматривает культурную систему как своего рода пятиугольник. Его элементы – это **язык, традиция, история, религия и отношение к государству** [Kleer 2012]. Правда, экономические науки в последнем десятилетии все чаще должным образом оценивают влияние на развитие по крайней мере некоторых компонентов культуры, но они делают это довольно избирательно, концентрируясь главным образом на категории культура, понимаемой довольно расплывчато. Я не буду здесь говорить о довольно широкой дискуссии на эту тему и попытаюсь представить только мой подход.

По отношению к социально-экономическому развитию **язык** играет особую роль, главным образом потому, что он создает возможности для коммуникации, которые, в свою очередь, открывают возможности для разнообразных потоков и людей, а также производимых ими благ и услуг. Особенное значение языковой фактор обрел с развитием рыночного хозяйства и постепенным образованием мирового рынка. В контексте развития можно сформулировать несколько основных функций, которые язык должен исполнять.

Во-первых, это главный и в сущности единственный механизм общения как на уровне собственного народа, общества и государства, так и в контактах с другими обществами. В наше время языковой фактор стал особенно важен, ибо увеличивает возможности

взаимодействия в разных областях и главное – в экономике и политике, от которых прежде всего зависит процесс развития [Castels 2011].

Во-вторых, в большинстве случаев языки носят местно-национальный характер, но некоторые имеют значительно более широкий радиус действия [Nisbett 2009]. Есть доминирующие мировые языки. В настоящее время таковым стал английский, но в прошлом, скажем, в Европе, это была сначала латынь, а затем французский и отчасти немецкий языки. Трудно предопределить значение доминирования того или иного языка. В каждую эпоху это объясняется совокупностью причин, обусловленных ролью той или иной страны – носителя языка в сферах мировой науки, культуры, не говоря уже об экономическом обмене. Потому статус доминирующего языка накладывает свое влияние на технико-экономические связи, особенно если учесть значение международных экономических институтов, транснациональных корпораций и финансовых рынков. А в наше время информационная революция также идет под значительным влиянием доминирующего ныне языка.

В-третьих, язык делает возможным распространение различного рода целей, пропаганду разнородных идеологий как благоприятствующих развитию, так и враждебных ему (например, протекционизм, популизм, различные формы фундаментализма [Bruce 2006], ксенофобия, национализм и т.п.). Обобщая, можно сказать, что эмоции, распространяемые при помощи языка, дают многочисленные импульсы – и положительные, и отрицательные. Особенно это заметно в настоящее время, если учесть, какое влияние имела доктрина неоллиберализма и какую роль играет ныне популизм.

Традиция представляет собой кумуляцию опыта прошлого, как подлинного, так и мифологизированного, как имевшего истинный эффект в жизни данного этнически однородного общества, так и опыта общества этнически чуждого, но проживающего на территории данной страны или даже являющегося тут коренным. А также опыта отношений с ближними и дальними соседями. При этом, как правило, господствующей традицией признается та, которую считает своей преобладающей в стране этническая группа.

Анализ и положительных, и отрицательных компонентов традиции необыкновенно затруднителен. Ведь развитие нелинейно. Различный опыт – и положительный, и отрицательный – распылен во времени, по отдельным общественным группам и по разным регионам государства. Различны были и причины, и условия его зарождения, развития и закрепления в культуре. Не менее разнопланов был опыт в отношениях с сопредельными обществами и государствами [Weber 1984]. Поэтому весь комплекс действительного или мифологизированного опыта можно анализировать только теоретически и весьма обобщенно. Конкретизация возможна лишь тогда, когда исследуются определенные обстоятельства в жизни конкретных государств или даже отдельных их регионов, а также конкретных обществ, с подразделением их на подгруппы, главным образом с этнической точки зрения.

Рассуждения, посвященные **позитивным традициям**, следовало бы подразделить на две группы – традиции внутренние и внешние. Первые были зависимы от сплоченности общества, во всей его исторической ретроспективе. Они формировались в зависимости как от степени этнической и религиозной однородности, так и от форм отношений между отдельными общественными группами, от их иерархичности, доходной, интеллектуальной дифференциации, а также возможностей связей между этими группами. А может быть и прежде всего – от уровня экономического и общественного развития государства и доминирующей политической модели.

Более сложными остаются традиции, связанные с внешними отношениями. Наиболее обобщенно можно различить по крайней мере пять основных групп:

1. Насколько мирными или конфликтными являются политические взаимоотношения с окружающим миром. История практически всех государств свидетельствует, что их отношения с соседями никогда не были ни полностью мирными, ни исключительно конфликтными. Но принципиальный вопрос: насколько в традиции большинства эти отношения запечатлелись как мирные, а насколько – как конфликтные.

2. Развитие всегда в большей или меньшей степени было связано с экспансией хозяйствующих субъектов вне их собственной территории. Чем экспансия больше, обеспечивая, соответственно, значимые выгоды, тем положительнее она отражалась в общественном сознании и в какой-то степени оказывала влияние на положительную оценку такого типа развития. Особенно важно, что экономические связи способствуют формированию мнения о том, кто из соседей достоин доверия и расширения с ними экономических контактов, с кем следует их ограничить, а кого лучше опасаться. Отмечу также, что такого рода представления никогда не бывали односторонними: и у соседей, со своей стороны, складывались свои стереотипы.

3. Традиции, связанные с более или менее устойчивыми военными связями. История любой страны всегда была связана с войнами. Отсюда – проблема союзников, тех или иных альянсов, которые также отражаются в традиции, а следовательно, и в общественном сознании. И в наше время проблема военных союзов в какой-то степени продолжает, если это возможно, поддержание давних традиций.

4. Данная группа традиций связана с обширнейшей областью образования, технического прогресса, интеллектуального понимания развития общества, государства, внешних связей. Развитие каждого общества характеризовалось своего рода более или менее широким заимствованием знаний, общественных решений, а также особенностей государственных моделей или военного опыта [Kleer 2015^b]. Это касается не только менее развитых обществ, но и лидеров. Такое позитивное влияние лучше всего заметно на примере таких государств, как США, Австралия или Швейцария.

5. Данная группа традиций касается языка, хотя в несколько ином контексте. Я уже отмечал, что некоторые из языков носили или носят доминирующий характер. Однако иногда это доминирование обретает конфликтогенную форму, особенно в условиях формирующегося мирового хозяйства и глобализации. Такая конфликтогенность во все большей степени будет обнаруживаться по отношению к государствам с большими популяциями, особенно в Азии, где Китай или Индия резко увеличили свою долю в мировой экономике. Сегодня еще трудно предугадать, каковы здесь могут быть последствия. Но в прошлом языки быстро развивающихся народов-лидеров носили конфликтогенный характер. Правда, тогда это были языки колониальных держав, которые перенимала часть населения колоний, что, однако, не снимало с них клейма языков государств-захватчиков. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, можно было бы эти языки перенести (по крайней мере частично) в раздел негативной традиции.

Негативные традиции представляют собой в какой-то мере реверс традиций позитивных. Здесь также можно указать на несколько проявлений общего характера:

1. Эффект войн, которые, как правило, велись в прошлом с более сильными соседями. Ряд из них был настолько значимый, что нашел свое отражение в сознании многих общественных групп. Обычно это касалось двух-трех государств, что отнюдь не значит, что войны не велись с другими государствами, и это также не забыто.

2. Не забыто и то, что в ходе этих войн происходил захват части территории победившими державами (государствами). Такой захват иногда был временным, иногда и продолжительным, что оставляло особый отпечаток в культуре народа.

3. Нельзя сбрасывать со счетов и такой эффект формирования традиции, как навязывание извне идеологий, касающихся представлений либо о собственном обществе, либо о мировых процессах. Сюда следует отнести и распространение определенными общественными или религиозными группами негативных оценок, касающихся системных решений.

В зависимости от характера власти распространяться будут элементы позитивной или негативной традиции, которые, с точки зрения власти, лучше всего служат ее концепции развития. Возможна и комбинация этих традиций, с упором на некоторые их позитивные, а иногда и негативные компоненты. Не исключено также, что в некоторых обществах разные типы традиций будут поддерживаться, с одной стороны, властью, а с другой – оппозиционными группами и той частью общества, которая их поддерживает.

В настоящее время традиция везде используется по-разному. Временами это приносит положительные результаты, но не исключено и ее отрицательное влияние на развитие.

Следующий фактор моего “пятиугольника” культурной системы – влияние *истории*. Для каждого общества и государства она связана прежде всего с местом его географической локализации. Оно может быть более или менее выгодно. Всегда следует помнить, что имеющиеся ресурсы, характер возделываемой земли, доступ к водным путям и т.д. и т.п. оказывают существенное влияние на историю с точки зрения как собственного общества, так и возможных экспансионистских устремлений соседей. Благоприятные локализационные условия в большой мере определяют не только первичные креативные способности общества, но и создают возможность перенимать удачные начинания более развитых обществ. Это открывает добавочные стимулы креативности.

История накладывает свой отпечаток на форму и характер организации общества, существенно влияет на эффективность сформированного государства, на его внутреннюю спаянность, стремление к развитию и характер власти. С этой точки зрения можно зафиксировать несколько основных факторов, имеющих влияние на развитие.

1. Историческая преемственность отдельных государств в мировой системе представлялась весьма по-разному. В зависимости от того, с какого момента начинается отсчет этой преемственности, получают различные картины (как географические, так и исторические). Ведь многие государства, существовавшие в далеком прошлом на Ближнем Востоке или в Африке, исчезли с карты мира, а другие в последнем тысячелетии появились в Европе. Из прошлого только немногие сохранили многовековую преемственность. В ходе исторического процесса они часто изменяли характер своей культурной системы, не говоря уже о территориальной или организационной форме или характере власти. Напоминая об этом, я хочу показать, что государство как суверенное существо не дано раз и навсегда. Этот вывод важен не только для анализа весьма отдаленного прошлого, но и, по-видимому, для современной эпохи и прогнозов на будущее.

2. Возникновение современных государств как результата индустриальной революции и перехода к цивилизации знаний было процессом не только сложным, но и продолжительным. Причем в его ходе Европа в серьезной степени раздвоилась. Запад Европы стал развиваться по новым институциональным принципам и в соответствии с требованиями рыночной экономики, тогда как восток Европы далее оставался в оковах аграрной цивилизации и норм функционирования феодальных государств. Это, однако, не значит, что восток Европы вообще не изменялся. И там постепенно распространялась рыночная экономика, разрастались новые классы, проникала новая интеллектуальная мысль. Правда, в немногочисленные группы. Постепенность и медленность этого процесса были отчасти обоснованы, так как довольно много государств этого региона, бывших в прошлом суверенными, потеряли свою независимость.

3. Важным фактором, повлиявшим на процесс развития, стало появление, главным образом на западе Европы, колониальных держав. Это оказало сильнейшее влияние на экономическое, а отчасти и общественное развитие. Следует все же добавить, что во многих случаях (по крайней мере, вначале) это было все же имитативное развитие. Трудно переоценить значение подражания опыту модели развивающихся государств, которые ранее вступили на путь, указанный и формируемый индустриальной революцией.

4. Нельзя забывать и о последствиях Первой мировой войны. Ее результатом стало падение нескольких великих держав, в том числе колониальных, начата деколонизация, возродились более десятка существовавших ранее государств, среди них, в частности, Польша. Одновременно вследствие большевистской революции в России было дано начало новому, социалистическому эксперименту. В то же время постепенно набирал силы новый организационный тип государства, каковым был фашизм и национал-социализм, обретший сильнейшую и наиболее жестокую форму в Германии. Причем и социалистическая, и фашистская идеологии начинают распространяться не только в Европе, но и в Азии.

В целом межвоенное двадцатилетие (между Первой и Второй мировыми войнами) сыграло существенную роль в интеграционных процессах, протекавших в нововозник-

ших государствах, особенно в отношении общественно-интеллектуального прогресса. Не забудем и о глубоком мировом экономическом кризисе 1930-х гг., оказавшем сильнейшее влияние на прогресс в секторе военной промышленности, а также на организационные формы государств. Особенно характерным для этого периода было сильнейшее влияние некоторых компонентов культурной системы на политику, прежде всего в ново-возникших государствах.

5. Огромное значение для развития в самом широком смысле имели Вторая мировая война и ее последствия. Прежде всего следует отметить огромный технический прогресс в первую очередь в военной промышленности, достижения которой относительно быстро получили распространение в гражданском секторе, оказывая существенное влияние на рост потребления, особенно в странах Западной Европы и в США. Одним из важных факторов, его ускорявших, стало соперничество между капиталистической и социалистической системами.

Эти изменения имели различные последствия, начиная с создания модели социального государства в развитых странах Западной Европы и США. Она придала развитию новые импульсы, оказав самое положительное влияние на качество жизни широких масс. Другим эффектом соперничества капитализма с социализмом стали, с одной стороны, крах колониальной системы, а с другой – экономическая трансформация государств, принадлежавших до этого социалистической системе: их переход к рыночной экономике.

Не подлежит сомнению, что в обоих этих процессах огромную роль сыграл культурный компонент, оказавший в тот период значительное влияние на постепенные изменения в области сознания. И ныне он имеет огромное значение в разных сферах общественной и политической, а отчасти и экономической жизни. Правда, это влияние не всегда носит положительный характер.

Эту несколько расширенную картину исторических перемен я показал главным образом потому, что характер и темпы изменений в истории отражаются в сознании общества. Они стали прочным элементом культурных систем. Осознание исторических элементов – существенный фактор, стимулирующий развитие; причем используется как позитивный, так и негативный опыт. И нельзя не признать, что негативного опыта, особенно во многих нововозникших государствах, было много. Он сказывается на просчетах в развитии. В результате недовольство населения упрочивается и избавиться от него очень трудно, потому что оно передается от поколения к поколению.

Религия играет в культурной системе особую роль, прежде всего в периоды переломного характера. Основная ее функция – обеспечение духовных уз, связующих определенную этническую группу, но есть у нее, разумеется, и другие задачи. Эти духовные узы в значительной степени находят выражение в многочисленных функциях, связанных с практикой повседневной жизни как в периоды мира, так и во времена более драматические. На практике сказанное означает, что формируются многочисленные соотношения, особенно в пределах определенной этнической группы, исповедующей ту же самую религию. Но ее влияние значительно больше и шире, ибо она определяет взаимоотношения с другими этническими группами, как исповедующими ту же религию, так и верующими иначе.

Важно учитывать, что монотеистические религии носят конфликтогенный характер как по отношению к остальным религиям, так и внутри собственных течений. Можно сформулировать некоторую общую гипотезу: особенный характер этой конфликтогенности, доходящий иногда до религиозных войн, особенно присущ периодам цивилизационных кризисов. Так было на заре цивилизации, так было и в начале индустриальной революции. Подобный характер носит и современная война радикального ислама с христианством, равно как и та, что идет между двумя основными течениями ислама. Думаю, это одно из основных и важных проявлений перехода от индустриальной цивилизации к цивилизации знаний (информационной).

Из этих весьма общих констатаций можно извлечь вывод, что религия активно участвует в переменах, которые следует отнести к категории процессов развития. Ее влияние

на общественную жизнь выходит далеко за рамки сугубо конфессиональных и подобных им процессов. Дело в том, что религия участвует в определении принципов функционирования отдельных обществ и государств, в том числе и экономики. Можно выделить несколько важных функций, характеризующих влияние религии.

1. Во всех монотеистических религиях просматриваются несколько течений, которые хотя и не подрывают ее главных принципов, но отличаются степенью радикализма, а также толкованием отдельных догм. Это оказывает существенное влияние на характер институционализации государства. А она, в свою очередь, может воздействовать на складывающиеся в конкретном государстве и обществе порядки. Что, как правило, влияет на экономико-социальное развитие в ту или иную сторону.

2. В каждом государстве доминирующая религия существенно влияет на обязывающую систему ценностей, а во многих случаях даже становится основой ее конструкции. Эта система ценностей либо одобряется властью, либо создается с ее участием, но, как правило, ею не отвергается. Исключение – социалистический эксперимент, а также ситуация, когда новая власть оказывается связанной с другой религией. На отдельные религии либо разные их обряды можно взглянуть с точки зрения эффектов экономического развития, сравнивая европейские государства с позиций опыта тех из них, где доминирует протестантизм, католицизм или православие. Еще со времен М. Вебера было отмечено, что более развиты государства, где доминирует протестантизм, следующее место занимает католицизм, а в конце оказываются страны с православным вероисповеданием. Правда, причины различий в развитии нельзя связывать исключительно с религиозным направлением, но то, что оно значимо, было уже многократно документировано, не только теоретически, но и эмпирически. Отмечу также положительное влияние на развитие конфуцианства и буддизма, особо проявившееся в последние десятилетия.

3. Важный аспект – отношение к женщинам. На протяжении веков их права ущемлялись как в общественной жизни, так и в трудовой сфере, что имело свое обоснование практически во всех религиях, по крайней мере в подавляющем их большинстве. Правда, в наше время в развитых государствах их статус постепенно меняется, но путь к полному гендерному равенству все еще долг.

4. Конфликтогенность каждой религии (о чем речь шла выше) зависит от политической модели власти. Эта конфликтогенность имеет обычно два облика – внутренний и внешний. Внутренний связан с этническим и религиозным характером конкретного общества. В случае если в обществе доминирует одна культурная система, он может принять форму более или менее радикальную, что зависит от давней истории и традиций формирования государства и взаимоотношений между отдельными общественными группами, особенно в многокультурных обществах, где, как правило, отношения между разными культурными и этническими группами более напряженны, а часто прямо взрывоопасны.

Иной характер имеет конфликтогенность внешняя. Тут различия, касающиеся религии, налагаются на различия, вытекающие из истории и традиции. Характерный случай – распад Югославии, в которой культурно-религиозные различия были огромны и в результате вылились в многолетнюю борьбу, а антагонизмы между новообразовавшимися государствами все еще велики.

И хотя из вышеописанного не следует делать слишком радикальные выводы, все же нельзя не учитывать, что разные религии имеют не только сильнейшее влияние на формирование системы сознания в разных этнических, а также общественных группах, но и показывают, с какими этническими группами можно сотрудничать, а с какими – нет. Если в прошлом это имело меньшее значение, то в наше время глобализации и расширяющегося международного сотрудничества пренебрежение данным фактором чревато серьезными конфликтами.

Завершая краткий обзор предложенного мной пятиугольника, отмечу, что вся проблема сводится главным образом к определению *взаимоотношений между обществом и государством*, в особенности к степени доверия элит общества к государству, а также властных элит к обществу или его отдельным группам, при оценивании их прежде всего

с этнической или религиозной точки зрения. Этот сегмент культурной системы особенно важен, а вместе с тем и весьма сложен. Причины такой сложности различны, кроются и в истории, и в современности.

Известно, что между государством и обществом, а также между обществом и государственной властью имеются многосторонние зависимости. Система этих зависимостей в значительной степени определяет современное состояние государства и общества, что в то же время обуславливает степень динамичности его развития. Не вдаваясь в проблемы генезиса государства и истории его развития (которые также важны для нас), подчеркну лишь важность в процессе эволюции государства фактора преемственности.

С этим, а также с характером институтов и с отношением к отдельным общественным группам в значительной мере связано доверие к государству, с тем, насколько оно насильственно по отношению к гражданам, равно как и насколько оно занимает патерналистские позиции. Каков объем прав и обязанностей граждан, и насколько выгоды, обеспечиваемые развитием, становятся всеобщим благом. Если с этой точки зрения посмотрим не только на Европу, но и на мир, то окажется, что картина не смягчилась, а осталась весьма дифференцированной.

Не менее важна изменчивость политической модели, как правило, связанная с приходом к власти новых групп или возвращением прежних. Все это не способствует росту доверия, особенно если идущие процессы не связаны с материальными выгодами для общества, а напротив, часто сопровождаются даже ограничением полученных гражданских прав.

Кроме того, современное развитие связано с решениями, основанными на глобализационных процессах, в ходе которых, с одной стороны, происходит разрушение традиционной модели государства [Kapfer 2006; Kleer 2016], с другой – все большее влияние на внутреннюю экономику оказывают наднациональные корпорации, а отчасти и международные институты. Эти процессы влияют на ограничение доверия к государству, по крайней мере со стороны части общества. Не следует также забывать, что изменение ситуации отдельных государств происходит под влиянием глобализации и цивилизационных изменений, в ходе которых элиты власти или политические партии, претендующие на захват власти, провозглашают разные идеологии, противоречащие позитивной философии развития [Sennett 2004].

Если учесть эти обстоятельства, становится очевидным, что отсутствие доверия к государству во все большей степени становится всеобщим не только в обществах, живущих в так называемых “новых” государствах. Оно по-разному выражается, но в целом не может благоприятствовать долгосрочному развитию.

Цивилизационные кризисы

В течение минувшего полувека взаимоотношения между развитием и культурной системой стали бурно меняться. Начались цивилизационные кризисы. Причем множественное число применено здесь не случайно. Процесс перехода от индустриальной цивилизации к цивилизации знаний стал в то же время началом деструкции первой из них. Причем этот процесс сопровождается не менее важным процессом распада цивилизации аграрной, которая была связана, в частности, с деколонизационными процессами, а также и с началом экономического подъема во многих слаборазвитых государствах, в числе которых и группа, получившая название “восходящих экономик”, или “южноазиатских тигров” [Siebert 2007; Weede 2005].

Эти процессы заставляют искать ответ на многие вопросы, в числе которых по крайней мере два имеют принципиальное значение. Первый: что изменяют цивилизационные кризисы в области широкого понимаемого развития в государствах как развитых, так и отсталых. Второй: насколько цивилизационные кризисы находят отражение в культурных системах. И в то же время, насколько культурные системы становятся механизмами, ускоряющими процессы развития, а насколько – их тормозом. До сих пор на эти вопросы у нас нет удовлетворительных ответов. И, что важнее, данные вопросы еще не стали пред-

метом достаточно серьезной научной дискуссии, особенно в экономических науках. Причины этого относительно легко объяснить: они кроются в фрагментации практически всех общественных наук, а также в расхождении по таким основополагающим вопросам, как определение числа цивилизаций, в которых культурный и религиозный элементы играют решающую роль [Kleer 2016].

Можно, однако, для наших рассуждений принять следующее определение: цивилизация – это “уровень общественного развития в данный исторический период, который характеризуется определенным уровнем материальной культуры и накоплением общественных институтов” [Nowa... 2004, s. 342]. Такой подход мне близок: я различаю цивилизации аграрную, индустриальную и формирующуюся цивилизацию знаний, которые уместаются в этом определении, хотя, возможно, и не всецело с ним тождественны.

Главные различия между цивилизациями, по крайней мере с точки зрения развития, позволяют выделить основной ресурс, имеющий решающее влияние на развитие. В случае аграрной цивилизации – это земля, индустриальной – капитал, а для цивилизации знаний – широко понимаемые знания, формируемые не только наукой, но и всеми особенностями современного технического прогресса. Не вдаваясь в тонкости идущих дискуссий, я хотел бы сделать несколько замечаний о том, какие из сегментов культурных систем сыграли существенную роль в отдельных государствах (или, шире – в отдельных обществах), влияя на характер и темпы развития. В общетеоретическом порядке, думаю, следует обратить особое внимание на три фактора.

Первый – это **традиция**: насколько она готова к изменениям, как экономическим, в широком смысле этого слова, так и к интеллектуальной терпимости, а также к контактам с другими этническими группами, к той или иной степени многокультурности, облегчая тем самым идущие процессы в юридико-институциональной сфере.

Второй фактор – **религия**, ее влияние на систему ценностей, на отношение к труду, образованию, степени секуляризации государства, а прежде всего – насколько она открыта по отношению к внешнему миру. Ведь, вновь повторю, развитие с начала индустриальной революции, не говоря уже о нашем времени, – это новая система связей, не только в пределах данного государства и общества, но прежде всего с внешним миром. И в развитии этих связей религия может стать как тормозом, так и стимулом открытости изменениям, идущим извне.

Наконец, третий, важнейший, фактор, по крайней мере в наше время, – **государство**. Правда, в эпоху информационной революции и общества знаний государство вынуждено идти на довольно значительные преобразования себя самого. Но оно все еще представляет собой основной компонент, имеющий влияние на развитие, и может через свои регулирующие и распределительные рычаги, а также путем пропаганды определенных провозглашаемых идеологий и взглядов оказывать сильнейшее влияние на характер развития и систему внешних связей.

* * *

Разумеется, все изложенное выше касательно связей между развитием и культурной системой не дает полной картины. Особая трудность связана с тем, что отдельные культурные системы, если они даже очень близки, в различных государствах обретают те или иные индивидуальные черты.

Развитие, несмотря на некоторые унифицирующие решения в региональном или даже всемирном масштабе, особенно в экономико-технической, а отчасти также образовательной и культурной областях, не устраняет различий, вытекающих из традиций, истории, а также религии. Государство может, однако, благодаря своей внутренней, а также внешней политике, частично устранять или смягчать их. Но это, думаю, касается определенной группы государств, которые уже вступили или вступают в круг цивилизации знаний и одобряют по крайней мере частичную перестройку уже сформированной индустриальной цивилизации. Этот процесс значительно сложнее в государствах, где все еще основной задачей остается переход от аграрной цивилизации к индустриальной. Так происходит потому, что существуют три рода угроз, носящих, возможно, всемирный ха-

рактар. Во-первых, это демографический взрыв [World Population 2015], ставший основной проблемой на ряде континентов, во-вторых, нарастающая проблема экономического неравенства, и в-третьих – угроза (сегодня, может быть, самая опасная) терроризма и малых или гибридных войн. Как бы мы ни относились к этим процессам, нельзя не признать, что культурные системы являются одним из важнейших источников этих угроз человечеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Так как вся использованная литература приводится на латинице, список литературы см. в “References”.

Cultural System and Social Development

J. KLEER*

*Kleer Jerzy – full professor, habilitated doctor, employee of the Institute of Economics of the Polish Academy of Science; Deputy Chairman of the Committee for Future Studies “Poland 2000 Plus” at the Presidium of the Polish Academy of Sciences. Address: Institut Nauk Ekonomicznych. Polska Akademia Nauk, Palac Staszica, ul. Nowy Swiat, 72, 00-330, Warszawa. E-mail: jerrykleer@ gmail.com

Abstract

The author proceeds from the thesis that the cultural system as a very stable characteristic of society is the opposite of development, the need for changes that meet the requirements of constant improvement. The cultural system is viewed in a kind of pentagon, which consists of the language, tradition, history, religion and the attitude of society to the state and the state to society. It is shown that the development, despite some unification decisions in the economic and technological, and partly also educational and cultural spheres, does not eliminate the differences arising from tradition, history, and religion. The state, thanks to its foreign and domestic policy, can partially eliminate them. But in general, the cultural system in our time is one of the most important threats to development.

Keywords: development, cultural system, language, tradition, history, religion, state and society.

REFERENCES

- Atkinson A.B. (2017) *Nierówności. Co da się zrobić?* [Inequality. What can be done?]. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej.
- Castles S. (2011) *Migracje we współczesnym świecie* [Migrations in Contemporary World]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Harrison L.E., Huntington S. (red.) (2003) *Kultura ma znaczenie* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress]. Poznań: Zysk i S-ka.
- Hausner J., Karwińska A., Purchla J. (2013) (red.) *Kultura a rozwój* [Culture and Development]. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury.
- Kapfer S. (2006) *Multinational Corporation and the Erosion of State Sovereignty*. Illinois State Univ.
- Kleer J. (2016) *Cywilizacje i ich przesilenia* [Civilisations and their Turning Points]. *Studia Ekonomiczne* no 1. Warszawa: Instytut Nauk Ekonomicznych PAN.
- Kleer J. (2015^a) *Dobra publiczne: wczorajdzisjutro* [Public Goods: yesterday today tomorrow]. Warszawa: Polskie Towarzystwo Ekonomiczne.
- Kleer J. (2012) *Kulturowe uwarunkowania modernizacji* [Cultural Conditions of Modernization, Gospodarka Polski 1990–2011]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

- Kleer J. (2015^b) Rozwój imitacyjny. Zalety i wady [Imitation Development. Advantages and Disadvantages]. *Nauki ekonomiczne, stylizowane fakty a wyzwania współczesności*. Red. B. Fiedor. Warszawa: PTE.
- Kondratowicz A. (2013) *Wolność gospodarcza. Pomiar, percepcja, zmiany instytucjonalne* [Economic Freedom. Measurement, Perception, Institutional Changes]. Warszawa: Towarzystwo Ekonomistów Polskich.
- Nisbett R.E. (2009) *Geografia myślenia. Dlaczego ludzie Wschodu i Zachodu myślą inaczej* [Why People of East and West Think Differently]. Sopot: Smak Słowa.
- Nowa Encyklopedia Powszechna PWN* [The New Universal Encyclopedia] (2004). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Sennett R. (2004) *The Culture of the Capitalism*. New Haven; London: Yale Univ. Press.
- Siebert R. (2007) *The Global Economy. Analysis*. London; New York: Routledge.
- Simms B. (2015) *Tanie Mocarstw. Walka o dominację w Europie od XV do XXI wieku* [Cheap Powers. Fight for Dominance in Europe from 15th to 21th century]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Sowel F. (2016) *Bieda, Bogactwo i Polityka w ujęciu globalnym* [Poverty, Wealth and Politics in a Global Perspective]. Warszawa: Fijor Publishing.
- Stiglitz J.E. (2015) *Cena nierówności. W jaki sposób dzisiejsze podmioty zagrażają naszej przyszłości* [Price of Inequality. How today's entities threaten our future]. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej.
- Wagner G. (1998) Differentiation as Absolute Concept? Toward the Revision a Sociological Category. *International Journal of Politics, Culture and Sociology*. Vol. 11, no. 3, pp. 451–474.
- Wallerstein I. (2007) *Analiza systemów świata* [Analysis of World Systems]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, Scholar.
- Weber M. (1984) *Osobliwości kultury zachodniej* [Peculiarities of Western Culture]. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Weede E. (2005) *Balance of Power. Globalization and the Peace*. Berlin: Liberal Verlag Mean Foundation.
- Wilkin J. (2016) *Instytucjonalna i kulturowa perspektywa gospodarowania. Humanistyczna perspektywa ekonomii* [Institutional and cultural perspectives of economic activity. Humanistic Prospects for the Economy]. Warszawa: Wydawnictwo naukowe Scholar.
- World Population Prospects. The Revision* (2015) New York: UN.